

© "Россия в глобальной политике". № 3, Май - Июнь 2009

Т.А. Митрова – к. э. н., директор Центра изучения мировых энергетических рынков Института энергетических исследований РАН.

Аналитики всего мира напряженно отслеживают проявления глобального кризиса в энергетической сфере. Но в многообразии и накале текущих событий мало кто задумывается над тем, что главные испытания ждут изрядно потрепанную в борьбе с кризисом энергетику уже по его окончании. Мировой энергетический рынок станет принципиально иным.

Новый энергетический порядок предъявит к своим участникам куда более жесткие требования. Поэтому так важно для России разглядеть сквозь пелену и туман дня сегодняшнего очертания посткризисного завтра и успеть подготовиться к новой реальности.

СЮРПРИЗЫ СПРОСА

Последние 30 лет политика всех игроков мирового энергорынка была основана на идее постоянного роста потребления. Однако теперь об этой парадигме лучше забыть, причем не только на ближайшие годы, но и на более отдаленную перспективу для многих рынков.

Медленная, временами противоречивая и не всегда удачная, но неуклонная политика развитых стран в области энергосбережения и развития альтернативных источников энергии постепенно начинает давать плоды. Конечно, революционных скачков здесь ожидать не стоит – речь идет о постепенном изменении самого стиля жизни, который начинается со смены лампочки или установки новых окон. В странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) новые стандарты энергоэффективности вводятся на уровне нормативов. А нормативы продолжают действовать даже при самых низких ценах на энергоресурсы, когда, казалось бы, пропадают любые стимулы заниматься энергосбережением, а о конкурентоспособности альтернативных источников энергии и говорить не приходится.

Если о темпах фундаментальных изменений в сфере энергоэффективности можно спорить, то результат их очевиден и неотвратим: очередная волна снижения энергоемкости экономики. Это означает, что на обозримую перспективу нас ожидает снижение темпов роста (если не сокращение абсолютных объемов) спроса на энергоносители в странах ОЭСР. Расчеты показывают, что даже частичное выполнение задач, поставленных в рамках энергетического плана Барака Обамы и европейской программы «20-20-20», приведет к стагнации спроса на нефть и газ в США и Европе уже в среднесрочной перспективе.

Более того, и в Соединенных Штатах, и в Европейском союзе эти мероприятия рассматриваются как важная часть антикризисного пакета. Госсубсидирование альтернативной энергетики и энергосберегающих технологий можно фактически считать

способом закачки денег в экономику с созданием в будущем конкурентных преимуществ, рабочих мест и повышением загрузки промышленных мощностей.

Если добавить ставшую популярной с начала этого века концепцию безопасности поставок и стремление к диверсификации источников импорта, а также содействие росту собственной добычи, то становится ясно, что даже после кризиса объемы импорта нефти и газа развитыми странами окажутся заметно ниже, чем прогнозировалось в последние годы.

Так, в «Энергетическом видении» Обамы в качестве одной из основных целей обозначено радикальное снижение зависимости США от импорта нефти за счет развития производства биотоплива, повышения стандартов энергоэффективности для автомобилей, а также возобновления бурения «закрытых» территорий на суше и шельфе.

С вводом новых стандартов и технологий потребление природного газа стабилизируется как в бытовом секторе Соединенных Штатов, так и в промышленности. Более того, до последнего времени предполагалось, что спрос на газ будет расти в электроэнергетике, однако в своем программном заявлении президент Обама обозначил в качестве одной из целей новой энергополитики США стабилизацию электропотребления к 2020-му, для чего выделяется 130 млрд долларов государственных инвестиций. В качестве еще одного приоритета названо скорейшее строительство газопровода с Аляски для снижения потребности в импорте сжиженного природного газа (СПГ).

Активно развиваются и новые технологии добычи нетрадиционного, в первую очередь сланцевого, газа, что опять-таки работает на самообеспечение страны. Многолетние инвестиции в эти разработки дали отдачу в 2007–2008 годах, добавив 14 % суммарного производства газа в Соединенных Штатах. По оценкам Федеральной энергетической комиссии США, уже через десять лет уровень ежегодной добычи сланцевого газа может достичь 200 млрд куб. м. В результате всех этих мер североамериканский рынок сжиженного газа, еще пару лет назад считавшийся наиболее динамичным и привлекательным для экспортеров СПГ, резко сжимается.

Снижаются прогнозы газопотребления и в Европе. За последнее десятилетие оценки спроса-2020 были снижены на 180 млрд куб. м, а на 135 млрд куб. м сократились прогнозные объемы импорта. Основная причина – новая энергетическая политика стран Евросоюза, направленная на повышение энергоэффективности экономики и развитие альтернативных источников энергии, снижение нагрузки на окружающую среду, а также создание конкурентного рынка и повышение энергетической безопасности ЕС. В качестве действующих ориентиров достижения обозначенных целей рассматриваются: повышение энергоэффективности на 20 % к 2020 г.; сокращение выбросов CO₂ на 20 % к 2020 г.; увеличение доли возобновляемой энергии до 20 % от суммарного энергопотребления; обеспечение безопасности поставок энергоносителей (в первую очередь за счет диверсификации источников поставок).

Эти намерения в значительной степени являются политической декларацией, и большинство европейских экспертов скептически относятся к возможности их осуществления. Так, в исследовании, проведенном в начале 2009 года, Кембриджская ассоциация энергетических исследований (CERA) отмечает, что провозглашенные цели могут быть достигнуты лишь на 10 %. Однако воплощение в жизнь даже части мер, принятых Европейским союзом по программе «20-20-20», приведет к резкому изменению спроса на газ – он может остановиться на нынешнем уровне. В случае же полной

реализации обозначенных целей суммарное газопотребление в ЕС-27 может упасть до уровня начала 1990-х, а спрос на электроэнергию (основной сектор газопотребления) – заморозиться на текущем уровне.

Более того, в последнем стратегическом документе Еврокомиссии, опубликованном в ноябре 2008 года (“Second Strategic Energy Review - an EU Energy Security and Solidarity Action Plan”), впервые официально приведен сценарий снижения импорта газа.

В странах Азии, входящих в ОЭСР (в первую очередь в Японии и Южной Корее), наблюдается та же тенденция. Сокращение доли энергоемких производств в структуре экономики, неуклонное повышение стандартов энергоэффективности на фоне продолжительной экономической стагнации приведут к сокращению даже абсолютных объемов спроса. В Японии и до кризиса спрос на нефтепродукты снижался уже несколько лет подряд. Эта тенденция настолько очевидна, что в связи с сокращением рынка планируется закрытие целого ряда действующих нефтеперерабатывающих мощностей в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Кризис только усугубил эти тенденции, наглядно продемонстрировав, что глобальный спрос на энергоносители может не только расти. В результате все заметнее избыток мощностей в нефтяной отрасли и в производстве СПГ. Сам по себе он не трагичен и носит краткосрочный характер, но в условиях жесткого финансового прессинга на участников рынка может привести к немалым потрясениям.

Свободных мощностей оказалось неожиданно много. Кризисное падение спроса в сочетании с масштабным вводом новых нефтедобывающих мощностей в 2009-м (отражающим инвестиционные решения, которые были приняты в предыдущие годы высоких цен на нефть) привело к росту свободных добычных мощностей в мире с 2,4 млн баррелей в день в 2008 году до 6,4 млн баррелей в день в текущем. Это – максимальный уровень с 1988-го. Свободные мощности составляют уже 8 % всего спроса на нефть. Аналогичный переизбыток наблюдается и в нефтепереработке.

Еще более яркую картину преобладания производственных мощностей над спросом демонстрирует рынок СПГ, который все последние годы показывал самые высокие темпы роста. В 2009 году вводится в строй 19,3 млн т мощностей по сжижению (на 10 % больше, чем в 2008-м) – инвестиционные решения по этим проектам были приняты несколько лет назад на волне дефицита СПГ. В 2010 году ожидается рост мощностей еще на 31 млн т (т. е. на 16 % по отношению к 2009-му), вследствие чего уже в будущем году объем мощностей по сжижению должен увеличиться на 30 % по сравнению с 2008 годом – это был бы самый значительный прирост за всю историю рынка СПГ.

Невзирая на неудачный момент для выхода этих проектов на рынок, владельцам мощностей придется запускать их для обслуживания кредитов. При этом значительная часть новых объемов СПГ (более 50 %) еще не законтрактована и, вероятнее всего, пойдет на спотовые рынки, которые наиболее чувствительны к снижению спроса. Появление такого «газового пузыря» на рынке с падающим спросом неизбежно приведет к дальнейшему снижению цен. Более того, избыток дешевого газа на спотовом рынке может привести к тому, что потребители начнут настаивать на пересмотре формулы цены и условий «бери или плати» в долгосрочных контрактах в сторону понижения обязательного минимального уровня оплаты.

РЫНОК ПОКУПАТЕЛЯ И РЫНОК ПРОДАВЦА

Кризисная «подушка» из простаивающих мощностей и падение спроса уже заметно меняют и без того непростые отношения производителей и потребителей, усиливая позиции последних. В условиях затоваренного рынка потребители начинают диктовать свои условия. Так, в Южной Корее, Японии и на Тайване покупатели уже добиваются уменьшения отбора газа даже по жестким контрактам «бери или плати». Идут переговоры о временном сокращении условий по объемам либо о перенаправлении метановозов на другие рынки. Очень уж много опций появилось у потребителей. В этих условиях выигрывает тот поставщик, который может предложить наиболее привлекательные цены и гибкие условия.

Конечно, доминирование потребителей тоже не вечно. Вся история рынков углеводородов доказывает: периоды избытка предложения и низких цен ведут к сокращению инвестиционной активности производителей и рано или поздно приводят к дефициту мощностей. Уже сейчас снижение цен на углеводороды вызвало пересмотр инвестиционных проектов практически всеми нефтегазовыми компаниями.

По данным Международного энергетического агентства, с середины 2008 года уже отложено, приостановлено и отменено несколько десятков апстрим-проектов общей производительностью 6,247 млн бар./день нефти и 90 млн куб. м/день природного газа. Учитывая очень продолжительный инвестиционный цикл в отрасли, можно с достаточной степенью уверенности сказать: как только экономический спад сменится подъемом, спрос на нефть и газ возрастет, причем если не в зоне ОЭСР (по изложенным выше причинам), то в развивающихся странах, в первую очередь азиатских. А кризисный провал в инвестиционной активности неизбежно приведет к очередному дефициту и росту цен на углеводороды. Производители и потребители вновь поменяются местами.

Осознание циклической природы развития энергетических рынков и одновременно разрушительной силы колебаний как для производителей, так и потребителей должно наконец способствовать нахождению новых форм взаимодействия между ними. Слишком дорого всем приходится платить за эти ценовые качели и «встроенную» нестабильность рынков.

Необходимость достижения долгосрочного баланса между интересами участников рынка уже созрела. Существующая система международных норм и негласных правил торговли энергоносителями настолько явно дает сбой, что ее смена неизбежна. Вопрос в том, какие потрясения предстоит пережить мировой энергетике, прежде чем будет найдено новое равновесие.

Особенно болезненно воспринимаются проблемы, связанные с ценообразованием на углеводороды. Главный парадокс современного энергетического рынка заключается в том, что на самом глобализированном и высококонкурентном рынке нефти цены в значительной степени оторвались от их фундаментальных показателей, а их волатильность дезориентирует реальных инвесторов.

Цены на нефть стали финансовым инструментом: в результате ипотечного кризиса в США в 2007 году инвесторы бросились искать ликвидные и надежные активы, каковыми оказались нефть и золото. Еще в 2006-м в докладе американского Сената «Роль рыночных спекуляций в повышении цен на нефть и газ» подчеркивалось, что мировая цена на сырую нефть формируется независимо от соотношения спроса и предложения и контролируется сложной системой финансового рынка – хедж-фондами и основными банками, работающими в нефтяной сфере (такими, к примеру, как Goldman Sachs и Morgan Stanley). Определяющую роль играют международные нефтяные биржи Лондона и Нью-Йорка. По

сути, именно по мере развития нерегулируемой международной торговли деривативами в сфере нефтяных фьючерсов за последние 10 лет были созданы условия для возникновения спекулятивного «пузыря» цен на нефть.

Результаты расследования, опубликованного в мае 2008 года Комиссией по срочной биржевой торговле США (Commodity Futures Trading Commission, CFTC), показали, что на NYMEX до 70 % нефтяных фьючерсов в апреле 2007-го были приобретены спекулянтами, тогда как в 2000 году их доля составляла 37 %. Вообще, в последние годы неуклонно росла торговля контрактами, которые структурированы как фьючерсные, но продаются не на бирже, а на нерегулируемых внебиржевых электронных рынках, где сняты ограничения по количеству открытых позиций в конце дня. Кроме того, с 2000-го CFTC постепенно выводила все внебиржевые фьючерсные нефтяные торги из-под своего надзора.

В августе 2008 года после выхода в свет этого доклада CFTC ввела постоянные лимиты по размерам спекулятивных позиций, которые финансовые инвесторы могут открывать на биржевых торгах. Комиссия объявила также о намерении требовать подробные отчеты от всех иностранных бирж, где торгуются фьючерсы на поставки американских сортов нефти, с введением на этих биржах ограничений, соответствующих американским.

В результате наиболее крупные инвестиционные фонды стали спешно выводить свои капиталы с нефтяного рынка, что привело к стремительному обрушению котировок. На такую динамику цен повлияло и объективное сокращение темпов роста спроса: в начале года – вследствие исключительно высоких цен на нефть, а начиная с лета 2008 года – из-за замедления темпов экономического роста в развитых странах.

Таким образом, отсутствие эффективной модели ценообразования сформировало манипулятивную систему установления цен на нефть и дисбаланс в пользу «финансовых» операций на нефтяном рынке. Текущие цены на нефть по-прежнему отражают состояние финансовых рынков, а не фактическое соотношение спроса и предложения, причем через сохраняющийся механизм привязки виртуальная природа нефтяных цен влияет заодно и на газовые.

Очевидно, что периоды низких цен резко усиливают недовольство производителей действующей системой ценообразования. В этих условиях гораздо привлекательнее возврат к «старым добрым» механизмам вроде прямых двусторонних отношений между производителем и потребителем или определения цен по принципу «издержки плюс» с учетом себестоимости добычи, транспортного плеча, инвестиционной составляющей и ожидаемой маржи. Такая система хотя и не дает возможности насладиться сверхприбылями при росте цен, но зато хорошо защищает денежные потоки производителей при их падении и находит сейчас у них все большую поддержку. Об этом, например, прямо заявил в апреле президент Туркменистана.

Вообще, многократное сокращение доходов производителей (для большинства из них доходы от нефтегазового экспорта – это критически важная часть национального бюджета), а также выход на экспортные рынки поставщиков, не имеющих многолетних традиций контрактного взаимодействия с импортерами (Азербайджан, Иран, Туркменистан), могут привести к консолидации производителей уже вне рамок ОПЕК (картель продемонстрировал за последние полгода свою полную лояльность потребителям). Для таких производителей это уже не максимизация прибыли, а вопрос выживания и поддержания социальной стабильности в стране. Подобная перспектива, безусловно, не добавляет устойчивости энергетическим рынкам. Но если долго

игнорировать интересы производителей, они заявят о них сами. Следует помнить, что в условиях кризиса экономические агенты зачастую не в состоянии выстраивать долгосрочные стратегии, – приоритетом становится поддержание потока наличности любой ценой.

Нестабильность ситуации усугубляет невиданный прежде размах глобализации рынков: удлинение цепочки поставщиков ведет к существенному повышению роли транзита энергоносителей, который уже сейчас стал зоной едва ли не самого высокого риска, способного свести на нет добросовестные усилия других участников. По мере увеличения числа стран, вовлеченных в любую цепочку поставок энергоносителей, надежность поставок все более зависит не столько от технических, сколько и от институциональных факторов, в первую очередь регулирования рынков в отдельных государствах. Таким образом, биполярную модель отношений производитель – поставщик с неизбежностью надо дополнить третьим, и крайне проблемным, звеном – транзитерами, учитывая, что в период кризиса эти страны нацелены на максимизацию транзитной ренты, предпочитая долгосрочным финансовым выгодам краткосрочное увеличение поступлений.

На столкновении принципиально различных мировоззрений де-факто будет выработываться система новых международных норм и правил, регулирующих отношения в энергетической сфере. Важно отметить, что формирование такой системы имеет критический вес не только для самой отрасли, но и для всех субъектов экономики и политики. Речь идет не просто о принятии каких-то профилактических мер и достижении локальных договоренностей по отдельным аспектам транспортировки топлива, а о создании принципиально новой, универсальной модели и инструментов взаимодействия на мировом энергетическом пространстве. С багажом тридцатилетней давности не получится справиться с новыми вызовами.

РОССИЯ: ПЕРЕЗАГРУЗКА

Мировая энергетика вошла в зону высокой турбулентности, и, как минимум, в течение ближайшего десятилетия на этом непростом рынке нам предстоит серьезные потрясения и сдвиги в правилах игры. Мир должен готовиться к обострению противостояния потребителей и производителей, которым уже нечего будет терять в этой борьбе. Не исключено, что дело дойдет до пересмотра моделей ценообразования и кардинальной трансформации правовой базы. Изменится география спроса, что повлечет за собой изменения в направлениях поставок. На фоне стагнирующего энергопотребления неизбежно обострение конкуренции между производителями – как странами, так и компаниями.

Весьма вероятен новый передел энергетических рынков. Благодаря накопившимся за «тучные годы» средствам и отсутствию бремени социальных обязательств, крупнейшие транснациональные нефтегазовые компании будут возвращать свои позиции, которые они за последние 7–10 лет уступили национальным компаниям с высокой долей государственного участия. Это далеко не полный перечень тех новых условий, в которых неминуемо окажутся все участники рынка, и Россия как его ключевой игрок прежде всего.

Учитывая очень большую зависимость экономики от экспорта энергоносителей, сложно преувеличить важность адаптации внешней энергетической политики к происходящим переменам. А принимая во внимание продолжительность инвестиционного цикла в энергетике и потребность в заблаговременном создании транспортной инфраструктуры, решения придется принимать сегодня, в условиях жесточайших бюджетных ограничений и крайне высокой неопределенности внешних условий.

Прежде всего критически важным становится непрерывный мониторинг динамики спроса на энергоносители в основных регионах-потребителях. Необходимо отслеживать изменения в их энергетической политике, особенно в энергоэффективности, и разрабатывать альтернативные сценарии экспорта российских энергоносителей с учетом возможной стагнации спроса со стороны крупнейших потребителей.

Антикризисная стратегия универсальна для всех отраслей – главный упор делается на снижении издержек. Для российской нефти и газа это все более актуально. Временная передышка, которую обеспечила девальвация рубля, заканчивается. Теперь компаниям нужно принимать кардинальные организационные и технологические меры по снижению затрат во всех звеньях цепочки поставок. Одновременно, как и в любом бизнесе, в период кризиса следует провести тщательнейшую переоценку и отбор инвестиционных проектов с секвестром наименее экономически эффективных.

Еще один важнейший аспект – завоевание лояльности клиентов. Придется заново выстраивать отношения на традиционном для нас европейском рынке, где Россия в последнее время все чаще воспринимается как «опасный» поставщик. Можно долго дискутировать о причинах такого отношения, но гораздо важнее отыскать пути корректировки негативного отношения к российскому «энергетически сверхдержавному» бренду хотя бы до уровня разумного доверия. Работа с клиентами, предоставление скидок и более привлекательных условий контрактов, активный маркетинг и трейдинг позволяют сохранить позиции на рынке в период кризиса. Поскольку гарантии сбыта приобретают особое значение, весьма полезным становится партнерство с компаниями, имеющими сильные позиции в даунстрим (хотя очевидно, что взамен им придется предлагать действительно привлекательные активы или проекты в России).

Выход на новые рынки может осуществляться в том числе и за счет разнообразных обменных операций с другими компаниями-производителями (своповых схем), позволяющих оптимизировать транспортные затраты.

В условиях кризиса главное конкурентное преимущество заключается в эффективности, гибкости и адаптивности. Российским компаниям, работающим за рубежом, придется быстро адаптироваться к изменениям в регулировании, перестраивая при необходимости свою организационную структуру, «мимикрируя» под требования законодательства.

Учитывая географическое смещение спроса, предстоит научиться эффективно работать в новом для России Азиатском регионе с его своеобразной системой ценообразования. Да, здесь иные ценовые ориентиры, а потому нельзя ожидать сравнимых с Европой доходов. Но можно научиться извлекать из этого рынка разумную прибыль, с тем чтобы, оставив его за собою, в перспективе получить главный выигрыш от больших объемов и разнонаправленности поставок.

Иными словами, России нужна развернутая программа выхода из кризиса в сфере энергетики, которая позволит естественно вписаться в новую энергетическую матрицу, воспользовавшись главным преимуществом кризиса – появлением некоторого запаса времени для завоевания новых позиций.